

Colombina

Романы
о любви

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:**

САНДРА БРАУН

Цена любви

Дом, в котором нет тебя

Мужские капризы

Женские фантазии

Сладкая боль

Пламя страсти

Свадебный венок

От ненависти до любви

Ну и штучка!

Тайный брак

Роза пресрий

Сопротивление бесполезно

***

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья

У алтаря

Эгоист

Строптивая невеста

Влюбленная американка

Любовь дерзкого мальчишки

Фея Альп

Первые ласточки

Капризы юной леди

Любовь юного повесы

Сбежавший жених

***

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...

Возраст любви

Французские каникулы

Большая девочка

Голос сердца

Безудержная страсть

Проверка разлукой

Хочу «Оскар»!

Colombina

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Сбежавший
жених

МОСКВА
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В35

Elisabeth Werner
FREIE BAHN!

Перевод с английского *T. Моисеевой*

Художественное оформление *C. Власова*

Вернер, Элизабет.

B35 Сбежавший жених / Элизабет Вернер ; [пер. с нем. Т.А. Моисеевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-86201-6

С первого взгляда Эгберг полюбил Цецилию. Но признаться в своих чувствах к девушке был не в силах, ведь она невеста его лучшего друга. Спасаясь бегством от собственных чувств, мужчина был вынужден покинуть родные края. Но так ли просто отказаться от счастья?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Моисеева Т., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86201-6

Глава 1

Наступила весна. Небо и море блестали яркой синевой, залитые солнечным светом. С тихим плеском на берега Ривьеры накатывались волны. В этих краях весна уже наступила и природа расцвела во всем своем великолепии, тогда как на севере Европы еще бушевали снежные метели.

Золотые лучи солнца сверкали на белых стенах домов и вилл городка, раскинувшегося на берегу полукруглой бухты. Всюду, словно аравийские минареты, тянулись к небу стройные пальмы, зеленели лавры и мирты. На фоне темной зелени пестрели тысячи камелий. Растения пышно цвели и благоухали. С окрестных гор взирали на море и городок древние, сверкающие белизной церкви. Среди рощ пиний и оливковых деревьев прятались крошечные деревушки, а вдали, словно плавая в прозрачном, пронизанном солнечным сиянием воздухе голубели увенчанные снегом вершины Альп.

Сегодня Ницца отмечала один из весенних праздников. Все население города и его окрестностей устремилось на центральную площадь —

по улицам двигалась бесконечная вереница роскошных экипажей, все окна и балконы пестрели зрителями, а на тротуарах теснилась веселая толпа.

На главной улице прохожие бросали друг другу букетики цветов. В воздухе беспрестанно мелькали душистые букеты; цветы, которые на севере являются большой редкостью и стоят немалых денег, здесь разбрасывались без всякого сожаления. Всюду развевались флаги, в воздухе стоял гул от веселых восклицаний, смеха и музыки, и разливался одуряющий аромат фиалок.

На террасе одной из гостиниц стояла небольшая группа мужчин, очевидно, соотечественников, случайно встретившихся здесь, за границей; они говорили по-немецки. Живой интерес, с которым двое младших следили за необычным зрелищем, показывал, что оно было для них ново; что касается третьего, довольно пожилого человека, то он оставался равнодушен к тому, что происходило перед его глазами.

— Я ухожу, — сказал он, взглянув на часы. — Это волнение и суета способны оглушить хоть кого; невольно захочется тишины и покоя. А вы, господа, верно, еще останетесь?

По-видимому, молодые люди действительно намеревались остаться; один из них — красивый, стройный человек, очевидно, военный в штатском костюме — со смехом ответил:

— Разумеется, господин фон Штетен! Мы еще совершенно не устали и не нуждаемся в отдыхе, и это зрелище нам, северянам, кажется чем-

то волшебным. Не правда ли, Витенау? Ах, вот и Вильденроде! Вот это красота! Экипажа почти не видно из-под цветов, а прекрасная Цецилия похожа на настоящую фею весны!

Проезжавший мимо экипаж в самом деле выделялся роскошным убранством; он был весь украшен камелиями, ими же были уbraneы шляпы кучера и лакея, даже лошади.

Впереди сидели господин с гордой, аристократической внешностью и девушка в шелковом платье и воздушной белой шляпке. Молодой человек, расположившийся на заднем сиденье, прилагал все усилия, чтобы уложить массу цветов, которые сыпались со всех сторон именно в этот экипаж; часто летели и большие, дорогие букеты, брошенные, очевидно, в знак поклонения красоте девушки, а она, улыбаясь, сидела посреди цветов и блестящими глазами смотрела вокруг на возбужденную толпу.

Офицер схватил букет фиалок и ловким движением кинул его в экипаж; однако вместо девушки букет попал в руки ее спутника, и тот небрежно бросил его вместе с другими цветами в кучу, высившуюся рядом с ним на заднем сиденье.

— Ну, я посыпал букет, конечно, не Дернбургу, — с некоторой досадой произнес офицер. — Само собой разумеется, он опять в экипаже Вильденроде; теперь их можно встретить только в его обществе.

— Да, с тех пор как появился этот Дернбург, они, кажется, считают излишним поддерживать

прежние знакомства, — заметил Витенау, мрачно следя за экипажем.

— Так и вы уже успели это заметить? Да, к сожалению, миллионеры всегда оказываются на первом плане, и, полагаю, барон Вильденроде особенно способен оценить это качество в своем друге, ведь не секрет, что в Монако удача подчас отворачивается от него.

— Ну, об этом и речи быть не может, — возразил Витенау почти с недовольством. — Барон по виду очень приличный человек и вращается здесь в высшем обществе.

— Это еще ничего не значит. Именно здесь, в Ницце, границы между миром людей так называемого высшего общества и миром авантюристов почти совершенно исчезают; никогда не знаешь точно, где кончается один и начинается другой. А этот Вильденроде — бог его знает, что он из себя представляет! В самом ли деле он дворянин?

— Несомненно, дворянин, это я могу засвидетельствовать, — вмешался Штетен, до сих пор слушавший молча.

— А, так вы знаете его?

— Много лет тому назад я бывал в доме старого барона, теперь уже умершего, и знаком с его сыном. Правда, я мало знаю его, но на свое имя и титул он имеет полное право.

— Тем лучше, — небрежно ответил офицер. — Впрочем, у меня с ним не более как шапочное знакомство, завязавшееся во время путешествия; оно ни к чему нас не обязывает.

— Разумеется, ни к чему; эти отношения так же легко порвать, как и завязать, — заметил Штетен с некоторым ударением. — Однако мне пора! До свидания, господа!

— Я пойду с вами, — сказал Витенау, у которого вдруг как будто пропала охота смотреть на праздник. — Ряды экипажей уже начинают редеть. Только нам тяжеловато будет идти по улицам.

Они простились со своим товарищем и ушли с террасы. Действительно, нелегко было продвигаться в густой толпе, и прошло довольно много времени, прежде чем вся суeta и толкотня остались позади них.

Разговор не вязался; Витенау был рассеян или не в духе. Вдруг он произнес без всякого предисловия:

— Значит, вы довольно близко знакомы с Вильденроде, а между тем я узнаю об этом только сегодня! И вы никогда не бываете у них!

— Нет, не бываю, — холодно ответил Штетен, — и для вас я желал бы другого общества. Я уже не раз делал вам намеки, но вы не хотели понимать их.

— Меня ввел в их дом один соотечественник, а вы выражались так неопределенно...

— Потому что сам не знаю ничего определенного. Знакомство, о котором я недавно говорил, существовало двенадцать лет тому назад, а с тех пор многое переменилось. Ваш друг прав: в Ницце граница между честным обществом и авантюристами нередко совсем пропадает, и, мне кажется,

ся, в настоящее время Вильденроде находится уже по ту сторону этой границы.

— Вы не верите, что он богат? — спросил пораженный Витенау. — Он живет с сестрой на широкую ногу, его дела, по-видимому, в блестящем состоянии, и, во всяком случае, в настоящее время в его распоряжении, наверно, значительные средства.

— Об этом надо спросить в Монако, ведь Вильденроде там — постоянный гость и, говорят, играет почти всегда удачно; но сколько времени ему будет везти — другой вопрос. Ходят слухи и кое о чем другом, посеребренее. У меня нет желания возобновлять старое знакомство, хотя прежде мы были в довольно близких отношениях, так как наше родовое имение граничит с бывшими владениями Вильденроде.

— Бывшими? — переспросил молодой человек. — Так их имения проданы? Впрочем, я вижу, вам не хочется говорить об этом.

— С посторонними — конечно, но вам я готов рассказать все, зная, что у вас есть причины интересоваться ими. Надеюсь, этот разговор останется между нами?

— Даю вам слово!

— Ну-с, это короткая и, к сожалению, обыкновеннейшая история. Имения Вильденроде давно уже были в долгах, тем не менее владельцы продолжали жить на широкую ногу. Барон женился вторично в преклонном возрасте, когда его сын уже был совершенно взрослым человеком; он ни в чем не мог отказать своей молодой жене,

а у нее было много, даже очень много желаний; сын, атташе посольства, тоже привык к роскоши; к этому прибавились неожиданные денежные расходы, и наконец разразилась катастрофа. Барон внезапно умер от удара — по крайней мере, так говорили...

— Он наложил на себя руки?

— Весьма вероятно. Надо полагать, он не смог пережить разорение и позор. Впрочем, семья избежала позора, ей помогло правительство, ведь бароны Вильденроде принадлежали к числу самых старинных дворянских родов в стране и их имя надо было спасти во что бы то ни стало; замок и имения перешли во владение короля, кредиторы были удовлетворены, и продажа имений была воспринята всеми как добровольная. Семье, разумеется, не осталось ничего; вдове с маленькой дочерью пришлось бы терпеть нищету, если бы король не утвердил за ней ежегодной ренты и не дал помещения в одном из замков. А вскорости она умерла.

— А сын? Молодой барон?

— Он, конечно, вышел в отставку, да и должен был выйти при таких обстоятельствах; лишившись всяких средств, он не мог уже оставаться атташе посольства. Без сомнения, это был жестокий удар для честолюбивого человека, который так неожиданно оказался у разбитого корыта. Конечно, он мог избрать другой, вполне достойный и почетный путь; ему наверняка дали бы какое-нибудь место, но принять его значило бы, во-первых, унизиться, выйти из того общества, в котором он играл до сих

пор первую роль, а во-вторых, надо было упорно трудиться и довольствоваться сравнительно скучными средствами, а для Оскара фон Вильденроде это было невозможно. Он отказался от всех предложений, уехал за границу и пропал. Теперь, через двенадцать лет, я снова встретил его здесь, в Ницце, вместе с сестрой, которая тем временем выросла, но мы оба предпочли считать друг друга незнакомыми.

Витенау задумчиво выслушал этот рассказ и ничего не ответил. Штетен взял его под руку и произнес вполголоса:

— Вам не следует так враждебно смотреть на молодого Дернбурга, потому что его появление, по всей вероятности, спасло вас, помешав сделать большую глупость!

Молодой человек сильно покраснел; он явно смущился.

— Господин фон Штетен, я...

— Я ведь не упрекаю вас в том, что вы слишком глубоко заглянули в некие красивые глаза, — перебил его Штетен, — это так естественно в ваши годы, но в данном случае вы могли бы слишком дорого заплатить за свою смелость. Подумайте сами, годится ли в жены скромному помесчику девушка, выросшая в такой обстановке и под таким влиянием? Хотя вы едва ли получили бы согласие Цецилии Вильденроде, потому что окончательное решение зависит от брата, а тому нужен зять-миллионер.

— А Дернбург, говорят, — наследник нескольких миллионов, — прибавил Витенау с нескрыва-

ваемой горечью, — следовательно, он удостоится чести стать зятем барона Вильденроде.

— Что он наследник миллионов, это факт. Металлургические заводы Дернбурга, несомненно, самые значительные во всей Германии и прекрасно работают, их теперешний владелец — человек, каких немного; я случайно познакомился с ним несколько лет тому назад. Однако вот и Вильденроде возвращаются!

В самом деле, к ним приближался экипаж барона. Разгоряченные лошади мчались во весь опор, и экипаж, поднимая столбы пыли, пролетел мимо отошедших в сторону Штетена и Витенау.

— Жаль Оскара Вильденроде! — серьезно сказал Штетен. — Он очень незаурядный человек, и, может быть, из него вышло бы что-нибудь замечательное, если бы судьба так внезапно и безжалостно не вырвала его из круга, в котором он родился и вырос. Не смотрите так мрачно, Витенау! Вы немного погорюете о несбывшейся мечте юности, а вернувшись домой, к своим полям и лугам, поблагодарите судьбу за то, что эта мечта так и осталась мечтой.

Глава 2

Тем временем экипаж мчался дальше и остановился у подъезда одной из больших гостиниц, по виду которой можно было понять, что здесь останавливались лишь богатые иностранцы. Комнаты барона Вильденроде и его сестры были са-

мыми лучшими и очень дорогими и отличались удобствами, к которым привыкли избалованные гости; в глаза бросалась чрезвычайно дорогая обстановка, но, как это всегда бывает в гостиницах, она была лишена малейшего изящества.

Приехавшие вошли в салон. Цецилия ушла в свою комнату, чтобы снять шляпу и перчатки, а ее брат и гость, разговаривая, вышли на веранду.

Дернбургу можно было дать лет двадцать пять. Его внешность была приятной, но не производила особенного впечатления. Тщедушная, несколько сгорбленная фигура, бледный цвет лица и своеобразный румянец на щеках ясно говорили, что он приехал на солнечные берега Ривьеры для восстановления здоровья. Черты его лица были слишком мягки и нежны для мужчины, та же мягкость выражалась и в мечтательном взгляде темных глаз. Самоуверенности, свойственной богатому наследнику, не было и следа; его манеры были крайне непрятязательны, почти робки, и, если бы не его имя, благодаря которому его всюду принимали как почетного гостя, ему грозила бы опасность остаться совершенно незамеченным в обществе.

Внешность барона была полнейшей противоположностью. Оскар фон Вильденроде уже не мог похвастаться молодостью — ему было под сорок. В его высокой фигуре было что-то повелительное, а гордые, правильные черты лица можно было назвать красивыми, несмотря на резкость линий и глубокую складку между бровями, которая придавала ему мрачный оттенок; в темных глазах

много было прочесть лишь холодное спокойствие и наблюдательность, но иногда в них загоралась искорка, указывавшая на страстную, необузданную натуру.

— Надеюсь, вы не серьезно говорите об отъезде? — спросил барон. — По-моему, вам рано уезжать, вы попадете в самый разгар бурь и дождей, которые в нашей Германии удостаиваются названия весны. Всю зиму вы провели в Каире, всего шесть недель живете в Ницце, и вам еще не следует испытывать влияние сурового северного климата, если, конечно, не хотите подвергать опасности только что укрепившееся здоровье.

— Да я и не собираюсь ехать в ближайшие дни, — ответил Дернбург, — но и не могу откладывать возвращения домой на слишком долгое время; я провел на юге больше года, опять чувствуя себя совершенно здоровым, и отец настаивает, чтобы я поскорее вернулся в Оденсберг.

— Ваш Оденсберг представляется мне чем-то величественным, — заметил барон. — По властолюбию вашего отца, по-видимому, можно сравнивать с правителем небольшого государства, он ведет себя как неограниченный повелитель.

— Да, но зато на нем лежит много забот и большая ответственность. Вероятно, вы и не подозреваете, что значит руководить такими предприятиями. Нужно обладать железной волей моего отца, чтобы вести такие дела; это исполинская задача.

— Как бы то ни было, это могущество, а могущество — это счастье, — возразил Вильденроде, и глаза его блеснули.